

многие, многие другие... Все эти «встречи в пути» создают у нас ощущение единого культурного пространства того времени, самобытного и разнообразного.

Что касается самого издания «Репрессированных этнографов», то хотелось бы обратить внимание на два момента: именно в силу «густонаселенности» сборника ему явно недостает именного указателя; кроме того, подобные издания сейчас принято сопровождать резюме на английском языке.

Сегодня порой слышны голоса, вопрошающие, сколько еще можно писать о репрессиях, появился даже кощунственный термин «некрофилия». В течение 70 лет эта тема у нас была окружена заговором молчания. Мenee 10 лет назад начали открываться архивы и публиковаться материалы – и уже хватит? А как же ахматовское «хотелось бы всех поименно назвать»? Наше общество еще очень далеко от того, чтобы понять и пережить всю трагичность репрессий, оценить масштаб реального ущерба, который они нанесли отечественной науке, культуре и нескольким поколениям советских и «постсоветских» граждан. И разговоры о том, сколько еще можно ворошить прошлое, – тому подтверждение. Прошедшие публикации – это только начало восстановления исторической памяти. Знание и память о прошлом – единственная гарантия в наше смутное и неблагоприятное время от его возвращения.

Рецензируемый сборник рассказывает только о 12 репрессированных этнографах, 12 из 500 (при всей условности последней цифры). Хотелось бы, чтобы вслед за 1-м выпуском «Репрессированных этнографов», который вышел маленьким тиражом и сразу же стал библиографической редкостью, последовали дальнейшие издания. Подобные публикации – важнейший этап в осмыслении того, что происходило в отечественной науке в 1920–1940-е годы, и возвращении изгнанных «за политическую неблагонадежность» целых научных школ и направлений. Продолжение разговора необходимо.

Примечание

¹ *Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф.* Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4; № 5; *Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4, 5–6. СПб., 1994.

М.В. Тендрякова

© 1999 г., ЭО, № 5

Handbook of North American Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. V. 12. Plateau / Vol. ed. D.E. Walker, Jr. Washington, 1998. XVI, 791 p., ill.

Двадцатитомный «Справочник по североамериканским индейцам» (*Handbook of North American Indians*, далее – HNAI) под общей редакцией У. Стуртеванта издается с 1978 г. Смитсоновским институтом в Вашингтоне и является на сегодняшний день самым авторитетным источником справочной информации о коренном населении Североамериканского континента. Как подчеркивают его составители, HNAI призван дать энциклопедическую сводку данных по истории и культуре аборигенных народов Северной Америки, обитавших «севернее городских цивилизаций Центральной Мексики» (с. XIII). Таким образом, справочник охватывает территорию современных Канады, Гренландии, США и Северной Мексики.

Из 20 томов HNAI 11 – региональные, по культурным ареалам (в отечественной терминологии – культурно-историческим областям), остальные носят тематический или вспомогательный характер. Тома справочника выходят по мере завершения их подготовки независимо от порядковой нумерации. Всего к настоящему времени вышло 11 томов, в том числе 9 региональных, охватывающих большую часть территории Северной Америки (кроме Юго-Востока США и Великих Равнин).

Последний из опубликованных томов HNAI (12-й) посвящен Плато – одному из наименее известных российскому читателю и слабо представленных в отечественной литературе историко-культурных регионов аборигенной Америки.

По поводу самого выделения этой области и особенно определения ее границ среди американских этнологов не было единства. Регион «Колумбия – Фрейзер» был впервые выделен в конце XIX в. О.Т. Мэ-

соном, а название «Ареал Плато» введено в 1914 г. К. Уисслером. Но крупнейший американский антрополог А. Кребер считал «ареал Колумбия – Фрейзер» лишь подразделением большого региона «Промежуточных и межгорных ареалов», включавшего Большой Бассейн и часть Калифорнии (с. 1).

В советской этнографической литературе Плато также отводилось лишь место переходной зоны – переходной от охотничьего хозяйства Равнин к рыболовецкому хозяйству Северо-Западного побережья. В первом томе «Народов Америки» Плато выделялось только в качестве историко-этнографической области (более низкий таксономический ранг, чем культурно-историческая область), а на раздел «Племена Плато» было отведено всего около двух страниц (Народы Америки. Т. 1. М., 1959. С. 58, 263–265).

Между тем в американской этнологии все сильнее утверждалось представление о Плато как о самостоятельном культурном ареале (работы В. Рэя, Дж. П. Мердока, Х.Е. Драйвера и У. Мэсси). Как рассказывают в предисловии к данному тому его издатели У. Стюртевант и Д. Уокер-младший, когда в середине 1960-х годов задумывался весь HNAI, Плато и расположенный южнее Большой Бассейн должны были рассматриваться вместе в рамках одного регионального тома «Большой бассейн – Плато». Решение более четко разделить эти области было принято позднее, по совету авторитетных консультантов, и для каждого региона были назначены отдельные ответственные редакторы. И лишь в 1971 г. было, наконец, решено рассматривать эти регионы все-таки в отдельных томах.

Непростым делом для издателей HNAI стало определение границ Плато. Оно проводилось Стюртевантом, следовавшим за Драйвером, Крёбером, Мёрдоком и другими авторитетами и в то же время модифицировавшим свою карту, учитывая текущие советы специалистов и дискуссии в плано-издательских комитетах. По признанию Стюртеванта, результаты картографирования как этого, так и других ареалов для соответствующих томов HNAI отражают и компромиссы, и обоснованную аргументацию (с. 1, 3). Лишь после особых консультаций Стюртевант принял решение, что индейцы модок должны рассматриваться в этом томе, а не в томе по Калифорнии, а чилкотин – в томе по Субарктике, а не по Плато (с. XII).

Географически территория Плато как историко-культурной области, или «культурного ареала» (региона) включает с некоторыми исключениями внутриматериковую часть бассейнов рек Колумбии и Фрейзер (северо-запад США и юго-запад Канады: Британская Колумбия, восток штата Вашингтон, часть Орегона, север Айдахо и запад Монтаны). Нарушая компактность этой территории, своим силуэтом напоминающей речного бобра, регион включает участок Каскадных гор, который, «сवेशиваясь» на карте, как бобровый хвост, тянется полосой до Калифорнии: это этническая территория индейцев молала, кламат и модок.

Частью концепции тома является идея не переходности, а своеобразия Плато. Как отмечают авторы одной из статей Дж. Чэттерс и Д. Покотило, Плато обособлено от соседних регионов не только горными барьерами, но главным образом своеобразной культурной адаптацией аборигенов к уникальному набору местных ресурсов. За последние 4000 лет в системе жизнеобеспечения здесь делалась ставка на массовую заготовку и долговременное хранение трех ключевых групп продовольственных ресурсов: рыбы (в основном лососевых), съедобных корней и крупных копытных (с. 73).

Редактор и издатель тома Д. Уокер-младший пытается выделить несколько общих черт, вместе образующих специфическую для данного региона культурно-хозяйственную модель. Прежде всего это относительно равномерная опора на отмеченную выше диверсифицированную пищевую базу при наличии сложной рыболовецкой техники, сходной с техникой Северо-Западного побережья. Далее это взаимное перекрестное использование ресурсов различными группами на их территориях; распространение родственных связей посредством экстенсивных – через весь ареал – смешанных браков; распространение торговых связей по всему региону через институционализированное торговое партнерство и региональные ярмарки-торги; речная (линейная) схема поселений; весьма ограниченная политическая (потестарная) интеграция, главным образом на уровне деревень и локальных групп (пока не было воспринято коневодство). За исключением верхних чинук (поздних пришельцев в регион) индейские общества Плато социально были мало стратифицированы. Наконец, относительно сходные мифология, художественный стиль и религиозные верования и культы (с. 3).

Структура тома достаточно традиционна для региональных томов HNAI и включает вводный раздел (введение, история изучения, экология, языки), археологию доисторического периода, исторический раздел, а также разделы по отдельным народам и по специальным темам.

Во вводном разделе следует отметить обстоятельную статью по языкам, в которой объединили свои усилия известные лингвисты М.Д. Клинкэйд, У.У. Элмендорф, Б. Ригсби, Х. Аоки. В статье, в частности, отмечаются лингвогеографические особенности Плато: здесь представлены две крупные и основные для Плато языковые общности: группа внутренних салишей (особая ветвь салишской семьи) и сахаптинская

семья, а также несколько мелких групп, являющихся либо результатом относительно поздней миграции (атапаски никола, верхние чинук), либо языковыми изолятами (кутенай, кайюс, молала, кламат). Многие из этих групп (кроме салишей, чинук и атапасков) эндемичны для Плато. Авторы приводят мнения и данные по предыстории языков Плато, позволяющие утверждать, что прародина салишских языков – на побережье, и рассматривать возможность родства сахаптинов и некоторых других групп в рамках гипотетической пенутийской семьи.

Раздел «Предыстория» посвящен доисторическому периоду в эволюции культур Плато. В статьях раздела авторы (Дж. Чэттерс, Д. Покотило, Д. Митчелл и др.) рассматривают археологию Плато (в том числе его северной, южной и восточной частей), дают общую периодизацию и показывают этапы становления культур Плато, датируют появление отдельных их элементов. Читатель узнает, в частности, что лук и стрелы появились на Плато только в 400–100 гг. до н.э. на юге региона и не ранее примерно 500 г. н.э. – в его северной и восточной частях (с. 78).

Раздел «История» включает и так называемый протоисторический период, под которым авторы главы «История до 1846 г.» Д. Уокер и Р. Спраг понимают «период между первым неаборигенным влиянием и первым зафиксированным историческим контактом с неиндейским народом» (с. 138). На Плато протоисторический период был длительным (XVII–XVIII вв.). С ним в жизни народов Плато связано овладение коневодством, эпидемии, появление европейских товаров и отзвуков христианских идей. Лошадь (особенно активно восприняли коневодство народы Южного Плато – кайюс, не-персе, палус, часть якима) изменила образ жизни индейцев, у которых появились многотысячные стада лошадей, получила развитие их селекция. Усиливаются связи с Великими Равнинами, возникает общий для Плато и Равнин культурный комплекс, а также новые формы потестарной организации, связанные с возросшей конфликтностью на границах региона. На юге Плато отмечается трибализация, образование полуплеменных групп и их объединений, чтобы противостоять соперникам на Равнинах и совершать туда охотничьи походы за бизонами. (В пределах Плато конфликтность была относительно невелика.) В ограниченных формах развивается имущественно-социальная стратификация, связанная с владением лошадьми. Реакцией на перемены и появление сведений о христианстве стали широко распространенные нативистские, в том числе синкретические, культы. К началу XIX в. относится появление на Плато первых европейских путешественников и развитие пушной торговли, влияние которой на жизнь индейцев анализируется в данной статье.

Исторический период разделен на Плато рубежом 1846 г. Именно тогда территория региона была разделена между Великобританией и США по 49-й параллели. Разграничение владений было связано с началом широкомасштабной аграрной, а вскоре и горнопромышленной колонизации Орегона и Британской Колумбии, началом эпохи индейских договоров и войн, завершившихся сселением аборигенов в резервации (см. статью С.Д. Бекэма «История после 1846 г.»).

В разделе «Народы» отдельные статьи посвящены каждой крупной (или небольшой, но самобытной) этнической общности или определенной совокупности сходных по культуре или историческим судьбам индейских групп. Например, в ряде случаев, в зависимости от конкретной этнической ситуации, в том числе степени этнической консолидации, в рамках одной статьи соединены близкие по культуре группы (например, северные оканеган, лэйкс и колвил или салиши средней Колумбии), не образующие единого этноса. Как и в других томах HNAI, в каждой такой статье синтезируются данные о территории, экологии, внешних связях, внутренних группах-компонентах данного этноса, его материальной и духовной культуре, социальной организации. Завершается каждая статья разделами «История» (с первых контактов до наших дней), «Синонимия» (происхождение и соотношение / содержание известных этнонимов) и «Источники».

На страницах тома читатель знакомится с народами лиллуэт, томпсон, шусвап, никола, кутенай, оканеган, спокан, калиспел, флатхед, кёр-д'ален, якима, палус, васко, вишрам, кайюс, юматилла, валла-валла, не-персе, молала, кламат, модок и некоторыми другими. Степень сохранности этнического самосознания и культуры у этих народов различна, среди них есть исчезнувшие или быстро исчезающие, но тем не менее многие из них сохранились на современной этнической карте США и Канады. Авторы статей об этих народах – североамериканские этнологи Д. Кеннеди, Р. Бучард, Д. Вьятт, Т. Стерн, Д. Уокер, Д. Френч, К. Френч, Дж. Миллер, С. Лахрен, Х. Шустер, Р. Спраг и др.

Раздел тематических статей открывает статья Р. Бойда «Демографическая история до 1990 г.», где на основе ранних источников и переписей в резервациях анализируются первоначальная численность индейских народов, ход и последствия каждой крупной эпидемии, динамика численности индейцев в XIX–XX вв., рассматривается понятие «индеец» в связи с учетом его в переписях.

Основной административной форме, посредством которой индейцы включены в американское и ка-

надское общество, посвящена статья С. Лахрена «Резервации и резерваты» с богатой информацией статистического и описательного характера.

Статья Д. Уокера и Х. Шустер «Религиозные движения» посвящена индейским религиозным движениям, начиная с движений раннеконтактного периода и кончая современными культурами. В статье Л. Аккерман «Родство, семья и гендерные роли» отмечается преобладание на Плато билатеральных систем родства и гендерного равенства. Подробные справочные данные содержит Т.Ю. Ханна, Н. Тернер и Д. Френча «Этнобиология и жизнеобеспечение».

Отдельным аспектам духовной и материальной культуры посвящены статьи Л. Олсен «Музыка и танец» (с нотным материалом), Б. Брюнтон «Игра в палочки», Р. Фрей и Д. Хаймса «Мифология», в которой приводятся тексты мифов, в том числе билингвические параллельные тексты, а также статьи «Плетение корзин» (Р.Конн, М. Шлик), «Наскальное искусство» (К. Боресон). В статье «Рыболовство» Г. Хьюс собрал справочные данные по всем народам региона, включая состав промысловой ихтиофауны, рыболовные методы и технику. Завершает том интересная статья Т. Стерн «Сеть торговых связей по р. Колумбия».

Том, как и большинство других томов справочника, богато иллюстрирован черно-белыми фотографиями, многие из которых уникальны. На этих иллюстрациях мы нередко встречаем художественно выразительные и по-своему обаятельные предметы индейского искусства и ремесла – такие, как каменная голова горного барана (устье р. Дешюте), нож с лезвием из бобрового зуба (индейцы томпсон), деревянные ступы с каменными и деревянными пестами для перемалывания рыбы, кореньев и сушеных ягод (вишрам, валла-валла). Выразительны и этнографически ценны старинные портреты и фотографии индейцев. В томе широко представлены фотографии текстов и иллюстраций из книг, изданных в прошлом и этом столетиях на аборигенных языках.

В целом подготовленный том HNAI – исключительно ценное и полезное пособие для американистов, восполняющее значительный пробел в научно-справочной литературе.

А.А. Истомин

© 1999 г., ЭО, № 5

Y. F i s c h. Tödliche Rituale: Die indische Witwenverbrennung und andere Formen der Totenfolge. Frankfurt-am-Main; New York, 1998. 576 S.

Фундаментальное исследование Йорга Фиша «Смертные ритуалы: Сожжение вдов и другие индийские формы следования за умершим» – книга новаторская по замыслу, тщательная по исполнению, богатая и конкретными историческими данными, и своеобразными исследовательскими выводами.

Европейцы всегда с ужасом наблюдали практиковавшееся до недавнего времени в Индии сожжение вдов на погребальном костре их умерших мужей. Это давний ритуал, по которому живая вдова добровольно (или по принуждению) следовала на тот свет за умершим супругом. Но мало кто знает, что подобная форма следования за умершим была свойственна и другим эпохам и культурам. В настоящей книге содержится первое обобщающее исследование этого феномена, когда-то широко распространенного по всей земле. Ведь архаический обычай трупосожжения уже в первобытные времена бытовал у многих народов – правда, наряду с труположением. Отметим также, что, по свидетельству археологов, и на территории Киевской Руси обе эти формы захоронения были распространены в Киеве еще в IX–X вв., а на периферии Древнерусского государства они сохранялись вплоть до XII в.

Автор книги – известный специалист по новой и новейшей истории стран афро-азиатского региона. С 1987 г. он – профессор Кафедры всеобщей новой истории Цюрихского университета. В последние годы Й. Фиш опубликовал две монографии: «История Южной Африки» (1990) и «Репарации после второй мировой войны» (1992).

Рецензируемая монография делится на две большие части: характеристика феномена следования за умершим в различных странах (кроме Индии) и сожжение вдов в самой Индии. Изложению материала предшествует большое теоретическое введение. В нем автор излагает свои методы исследования и обосновывает структуру своего труда, дает характеристику источников исследования. Рассматривая общественные и индивидуальные формы следования за умершим, он разбирает вопрос о добровольном и принудительном характере сожжения, а также проблему человеческого жертвоприношения при погребениях.